

РУССКІЙ РАСКОЛЬ СТАРООБРЯДСТВА,

разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственностію въ XVII вѣкъ и въ первой половинѣ XVIII.

А. Щапова. Казань, 1859 г.

Расколъ старообрядства составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ исторіи русскаго просвѣщенія. И въ означенномъ сочиненіи не мало сдѣлано для разъясненія этого явленія. Рукописи Соловецкой бібліотеки и Казанской духовной академіи, которыми г. Щаповъ воспользовался въ своемъ изслѣдованіи, даютъ его книгѣ значеніе серьезнаго труда. Притомъ въ его сочиненіи въ первый разъ печатно высказанъ не близорукій, но вполне разумный взглядъ на расколъ старообрядства, взглядъ, который конечно не будетъ новостью для передовыхъ людей въ наукѣ русской исторіи и литературы. Недостатокъ же въ сочиненіи г. Щапова мы находимъ въ томъ, что онъ хотѣлъ объяснить расколъ старообрядства изъ однихъ только современныхъ расколу явленій, или, по крайней мѣрѣ, изъ очень ближайшихъ къ его появленію. Такое, не совсѣмъ историческое объясненіе оставило мѣсто для многихъ вопросовъ, на которые мы не получимъ удовлетворительнаго отвѣта въ его сочиненіи. Совершенно справедливо то, что одною изъ причинъ раскола было невѣжество и безграмотность христіанскихъ учителей, современныхъ ему, но почему именно въ этотъ моментъ почувствовали ихъ несостоятельность, а не прежде? почему въ это время начали ихъ кри-

тиковать и анализировать? Образованіе ли они были прежде или почему нибудь до сихъ поръ не обращали вниманія на ихъ невѣжество? Если до раскола большинство христіанскихъ учителей было образованіе, то могло ли оно разучиться до безграмотности, еслибы въ этихъ учителяхъ была постоянная нужда снизу, еслибы народъ постоянно подталкивалъ ихъ? Одною лѣвью невозможно объяснить неохоту этихъ учителей къ грамотности и собственному просвѣщенію, тогда какъ отъ того они могли бы имѣть и нравственное вліяніе и матеріальную выгоду. Такое рѣшительное невѣжество не иначе можно объяснить, какъ отсутствіемъ практики у учителей. Никакою снисходительностью взрослыхъ учениковъ нельзя объяснить того, чтобы они терпѣли долгое время учителей совершенно невѣжественныхъ. Ясно, что существованіе подобныхъ учителей необъяснимо изъ современныхъ только расколу явленій, изъ которыхъ мы не объяснимъ себѣ удовлетворительно ни народнаго сознанія современнаго расколу, ни современной ему и раскольнической литературы, ни современныхъ расколу религіозно-эстетическихъ потребностей народа.

Христіанское просвѣщеніе, начавшееся въ Россіи сверху, не могло идти слишкомъ быстро. Изъ разсказовъ лѣтописцевъ о христіанскомъ просвѣщеніи нашихъ древнихъ князей и бояръ мы не можемъ заключать о томъ же къ народной массѣ. Ростъ русскаго народа вообще медлененъ. Физическая сила, съ помощію которой началось у насъ вводиться христіанское просвѣщеніе, совершенно противорѣчитъ быстрому его распространенію въ народѣ. Какъ только лѣтописецъ, провозгласившій введеніе христіанскаго просвѣщенія въ Россію, коснется отношенія массы къ этому новому просвѣщенію, народъ у него непременно является на сторонѣ своего языческаго просвѣтителя-вождя, а не христіанскаго учителя, котораго сторону принимаютъ только лучшіе люди — меньшинство. Замѣтимъ, что лѣтописецъ по этому поводу касается массы городской, передовой въ народѣ. Изъ сказаній о большомъ количествѣ храмовъ въ иѣсколькихъ, большихъ древне-русскихъ городахъ ничего мы не можемъ заключить о томъ же относительно нашего громаднаго отечества, относительно сельскаго народонаселенія, разбросаннаго по лѣсамъ, тогда какъ въ XVI и XVII вѣкѣ былъ большой недостатокъ храмовъ для народа, что ясно видно изъ сочиненія г. Шапова (365—380 стр.). Далѣе по жалобѣ нашихъ древнихъ христіанскихъ проповѣдниковъ о лѣнливомъ хожденіи народа въ храмъ, проповѣдниковъ, жившихъ въ большихъ городахъ, не можемъ же мы заключить того, чтобы большинство, жившее въ болѣе дикихъ и пустынныхъ мѣстахъ, прилежно

посѣщало храмы. О томъ, что народъ долго спустя послѣ введенія христіанства продолжаетъ жить по язычески, мы постоянно слышимъ жалобы нашего древняго духовенства, но притомъ опять таки жившаго большею частію въ мѣстахъ болѣе населенныхъ, болѣе образованныхъ. Послания нашего древняго духовенства о томъ же предметѣ были направлены большею частію въ болѣе важные пункты нашей древней Руси. А если мы не слышимъ подобныхъ жалобъ изъ другихъ частей Россіи, то не можемъ же мы заключать изъ этого о томъ, что тамъ болѣе успѣшно шло христіанское просвѣщеніе. Позднѣйшіе же лѣтописцы христіанскаго образованія массы народнои, отцы стоглаваго собора, свидѣтельствуютъ, что по селамъ и погостамъ современной имъ Россіи господствовало язычество ¹⁾. Такимъ образомъ до самаго раскола старообрядства массы русскаго народа жили еще языческии образованіемъ. Расколъ же старообрядства составилъ тотъ моментъ въ развитіи русскаго народа, когда массы народныя сознали потребность христіанскаго просвѣщенія, сами начали требовать его. Въ это время жители селъ и слободъ, услыхавъ о какомъ нибудь свѣдущемъ учителѣ, тысячами бѣжали къ нему. Таково напримѣръ извѣстіе о расколочителѣ Капитонѣ. Игнатій, м. тобольскій, пишетъ о Доміантѣ, что «собралася къ нему мнози отъ поселянъ, еже есть слобожанъ, аки къ пустынинику и мужи и жены и дѣти, яко тысяча и семсотъ» (III посл.). Что не безъ этой цѣли народъ бѣжалъ къ расколочителямъ видно изъ того, что о Капитонѣ говорится: «потому мнози ученицы бяху». Народныя массы дѣйствительно искали себѣ въ это время христіанскихъ учителей. Рассказывается, что, на пути отъ Вологды къ Каргополю, жилъ «аки учитель пѣкід, волхвъ и чародѣй, примысля себѣ ния пустыниника и нѣщии поселяне изъ домовъ своихъ изшедше, послѣдоваша ему.» (245 стр.)

Не смотря на то, что со введенія христіанства въ Россію до раскола старообрядства прошло нѣсколько вѣковъ, однако масса русскаго народа, современная расколу, находилась на первоначальной степени обученія христіанскому просвѣщенію. Подобно первенствующимъ христіанамъ русскіе люди, «какъ гладные приходили въ церковь Божию съ жадностью духовнаго назиданія и наученія», «любилн зѣло любезно послушать» (400 стр.). Въ расколѣ старообрядства способъ просвѣщенія не столько—школа и книга, сколько проповѣдь и бесѣда. Любовь къ просвѣщенію выражалась въ дѣтской привязанности къ буквѣ, въ вѣрѣ чернилу.

¹⁾ Стоглавъ гл. 41.

Пока христіанскаго образованія требовали только лучшіе люди, учителей хорошихъ для нихъ было достаточно, но когда массы народныя потребовали себѣ учителей христіанскихъ, то оказалось, что частію ихъ было мало для народа (380—386 стр.) или, если и достаточно въ иныхъ мѣстахъ, то большинство ихъ совершенно не соответствовало характеру учителей. «Рѣдко кто изъ духовнаго чина, жаловался Дмитрій Ростовскій, знаетъ порядокъ библейской исторіи, что когда происходило. Одинъ игумень спрашивалъ меня, когда жилъ Ілія пророкъ по рождествѣ ли Христовомъ или послѣ рождества Христова? и еще: Маккавей жили послѣ апостоловъ? ибо учитель ихъ Елеазаръ предъ мучителямъ приводилъ слова апостольскія и евангельскія, какъ напечатано въ прологѣ московскомъ въ 1 день августа? И много слышалъ я другихъ смѣшныхъ рѣчей между духовнымъ чинномъ. Напримѣръ слѣдующее: которымъ ножемъ св. Петръ отсекъ Малхово ухо, тѣмъ впоследствии св. Ілія перерѣзалъ жрецовъ вавилонскихъ (Древ. р. вивл., ч. XVII, стр. 87). Тотъ же Дмитрій Ростовскій во время своего путешествія въ 1702 году зашелъ въ церковь и спросилъ попа: «гдѣ суть животворящія Христовы тайны. Попъ же ничего словеси познати можаше. Егда же единъ отъ со мною бывшихъ искусныхъ іереевъ (говоритъ онъ) рече къ нему: «гдѣ запасъ?» Тогда онъ показалъ святые дары (ibid.). До того мало образованы были христіанскіе учителя, современные расколу, что въ XVII вѣкѣ «даже нѣкоторые честные протопопы, по словамъ преподобнаго Діонисія, служаще въ святыхъ церквахъ, по священнымъ книгамъ чтуше и поюше, не добръ разумѣли глаголемое и читанное» (Ркп. Сол. биб. № 897). А потому во время службы они не рѣдко произносили бессмыслицу, наприм. въ главѣ пяти молитвъ, которыя произносятся священникомъ во время проскомидіи, священники XVII вѣка, читали молитву надъ *виномъ хотящимъ служити* (192 стр. Шап.). Но мало того, что эти учителя не умѣли понимать читаннаго, они не умѣли иногда даже и читать. «Даже между честными протопопами и архимандритами, по словамъ старца Арсенія Глухаго, много было такихъ, кои едва азбуцѣ умѣли и ничимъ же разниствовали отъ невѣжды и поселянина» (68 стр.). Отцы собора 1667 года говорили, что въ священство поставлялись сельскіе невѣжды. Самъ строгій Никонъ требовалъ отъ большинства духовныхъ учителей только знанія грамоты. Книга г. Шапова наполнена множествомъ примѣровъ и выписокъ по этому предмету. Понятно, что учителя съ такимъ образованіемъ не могли удовлетворить народа, требоващаго рассказовъ, объясненій, толкованій христіанскаго ученія. «Іереи не учатъ, а людіе невѣжествуютъ; іереи слова Божія не про-

повѣдуютъ», говоритъ Дмитрій Ростовскій (Сочин. св. Дмитрія, II, 389). Духовный регламентъ говоритъ о духовенствѣ XVIII в.: «Поже мало есть, противъ толкаго Россійскія церкви многоградя таковыхъ пресвитерей, которые бы наизустъ могли проповѣдывать догматы и законы Св. Писанія» и т. д. (П. С. З. т. VI. стр. 321). Отъ подобныхъ учителей не возможно ожидать любви къ своему занятію. И дѣйствительно духовенство дѣлилось даже исполнить церковныя службы, такъ что, если кто хотѣлъ читать пропускаемое ими въ службѣ, они запрещали, гнали отъ себя тѣхъ, которые обращались къ нимъ съ своими требованіями, или же потворствовали незаконнымъ требованіямъ: вѣчали не по христіанскому обычаю (180—181 стр.), занимались чернокинешествомъ, волшебствомъ, какъ лестнымъ народу, чтобы сколько нибудь имѣть на него вліяніе. Въ посланіи Филарета Никитича въ Ниж. Новгородъ говорится, что «дьячекъ держитъ у себя книги не добрыя, ересныя, да приговоры.., рафли, тетради гадательныя». (Арцыб. т. III, гл. VI, прил. CLXXVI). Нравственная, домашняя жизнь этихъ учителей, которая особенно важна для учениковъ—дѣтей, была совершенно безотраднa. Народъ забывалъ къ такимъ учителямъ уваженіе, безчестилъ, а иногда и билъ ихъ. Правда, являлись изъяснители и нравственные пастыри, но для цѣлаго народа, который хотѣлъ учиться, ихъ было слишкомъ мало. Но даже и эти, болѣе просвѣщенные учителя, не понимали потребностей народа, не знали педагогическаго способа обученія дѣтей. Одно чтеніе безъ объясненія, безъ руководства неудобно для дѣтей. Книжки, ими издаваемыя, были не по понятіямъ народа. «Обѣдъ душевный и вечера душевная люботруднаго и мудраго мужа Симеона Полоцкаго и тая простѣйшимъ людямъ за высоту словесъ тяжка бысть слышати и грубымъ разумомъ не внимательна, а Божественнаго Златоуста бесѣды его и нравоученіе на Евангеліе и на Павлова посланія и на дѣянія святыхъ апостолъ зѣло не разумительно, неточію слышавшимъ, но ичтушимъ, вельми бо препросты страны сея жители, въ ней же ми обитати, не точію отъ мирянъ, но и отъ священникъ. иностраннымъ азыкомъ та Златоустаго писанія нарицаху». (Оп. Рум. муз. стр. 632.) О томъ же говоритъ и духовный регламентъ. Наконецъ, когда расколъ побудилъ къ заведенію училищъ, то частію ихъ вначалѣ было недостаточно, а въ особенности же они не отвѣчали современной потребности, такъ что до 1701 года, даже въ славяно-греко-латинской академіи не учили богословію. А между тѣмъ для народа нужно было много учителей, учителей, знавшихъ христіанское образованіе. Медленно распространялись училища и въ XVIII вѣкѣ. Платонъ Любарскій говоритъ объ архіепископѣ казан-

скомъ Гавріилѣ (1735—1738 г.): «Сказываютъ объ немъ, что какъ къ содержанію семинаріи и ученыхъ дюдей, такъ и къ строенію по введенному въ ыиѣшнее время примѣру всякихъ въ епархіи своей зданій не имѣлъ склонности, почему и все до него такимъ образомъ заведенное уничтожить велѣлъ, хотя бы то и великой суммы стоило, вѣдая въ добродѣтель все прежде въ Россіи не бывалое пстрелять безъ остатку». (Истор. каз. іерар. Ркп. каз. дух. акад.) Но и въ заводимыхъ семинаріяхъ богословіе преподавалось не вездѣ. «Въ нихъ весь курсъ ученія, говоритъ г. Шаповъ, большею частію ограничивался букваремъ славянской, латинской и греческой грамматики, да какими нибудь латинскими, риторическими и піитическими экзерциціями и оккупаціями *de loco, de rane, de calceis*» и т. п. (439). Съ половины XVIII вѣка введенное богословіе преподавалось на латинскомъ языкѣ, по системѣ западныхъ схоластическихъ богослововъ. А между тѣмъ массы русскаго народа всегда отличались противочувствіемъ католичеству. Никонъ окружалъ себя учеными съ юга, въ чемъ упрекалъ его и Нероновъ (86 стр.). Книги, которыя заимствовали для образованія, были западныя, католическія. Аввакумъ въ отвѣтномъ посланіи къ Андрею Плещееву говоритъ о книгахъ, пріобрѣтенныхъ Никономъ и переводимыхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича: «Нынѣ расколы творятъ книги еретическія отъ римлянъ, отъ парижанъ, отъ венетовъ, прочее умолчу до времени» (93 стр.). Такимъ образомъ кромѣ схоластицизма, неестественности, которая несносна ученику ребенку, средства для образованія были заимствованы съ запада, къ которому была непреодолимая антипатія.

И такъ христіянскіе учителя, современные расколу, не умѣли и не могли удовлетворить потребности народа, требовавшаго просвѣщенія. Но нисколько не заглохла отъ того въ народѣ жажда къ христіянскому просвѣщенію. Еще въ язычествѣ русскій народъ привыкъ обходиться безъ особеннаго сословія религиозныхъ учителей — безъ жрецовъ. И на этотъ разъ онъ рѣшается учиться у всякаго, кто бы только зналъ что нибудь, кто бы хотѣлъ научать его. Нашлись люди, хотя и не съ большими, но все же съ какими нибудь свѣдѣніями. Нашлись грамотные, вполне воспользовавшіеся грамотностью, сколько отъ нихъ зависѣло, много прочитавшіе, много помнившіе изъ прочитаннаго. Таковы были образованнѣйшіе люди того времени, — справщики книгъ, писаря. И дѣйствительно расколу учителями явились справщики книгъ, бывшіе при патріархѣ Юсифѣ, какъ Аввакумъ, Нероновъ, Логгинъ, Никита, изъ писарей Никита во Владимірѣ, Козма Прокофьевъ въ Каргополѣ. Являлись между расколу учителями и такіе, которые искусны были въ логикѣ, философіи и богословіи,

какъ Вавила, ученикъ Капитона. «Андрей Денисовъ грамматическому и риторическому разуму учился, Семякъ грамматикку; риторикку, пѣтнику и часть философіи довольно изучилъ». Между расколоучителями были люди, одаренные большими талантами, такъ Исая, ученикъ Аввакума. Притомъ у раскольниковъ учителей была сильная любовь къ своему занятію. Патріархъ Іоакимъ говоритъ, что у нихъ была страсть къ учительству. «Козьма Прокофьевъ, по словамъ Денисова, еся къ себѣ народы паче магнита привлекалъ, понеже всѣмъ, приходившимъ къ нему, сладокъ и полезенъ бѣше совѣтникъ и наставитель». (Виногр. Росс., л. 106. об. 160.) Изъ множества приведенныхъ въ этомъ родѣ въ книгѣ г. Шапова примотровъ мы выписали только одинъ. Расколоучители не только не отказывали приходившимъ въ слонѣ, но даже сами старались проникнуть въ дома для ученія, путешествовали по Россіи, какъ миссіонеры, такъ былъ Андрей Денисовъ и многіе его ученики. Для распространенія раскола они не щадили ни чести, ни имѣнія, ни самой жизни. (Пол. пзв. о раск., ч. I, стр. 83.) Эти расколоучители при сообщеніи истинъ умѣли принаровиться къ способностямъ людей простыхъ, темныхъ. «Сочиненія Денисовыхъ, говоритъ г. Шаповъ, по своему тону и направленію, не могли не имѣть сильнаго вліянія на необразованныхъ, особенно неразсудительныхъ и легкомысленныхъ читателей. Напыщенно-восторженный тонъ, пѣтистая, образная, иногда дѣйствительно не лишняя нѣкоторой красоты и изящности рѣчь, чрезвычайно ловкая поддѣлка и обиліе хитросплетенныхъ доказательствъ, все это сильно дѣйствовало на умы и сердца неразсудительныхъ читателей» (319). Объ сочиненіяхъ Аввакума, г. Шаповъ говоритъ, что они «приходились по вкусу простому народу, написаны были простонароднымъ, мужицкимъ и отчасти шутливымъ языкомъ». (317 стр.) Сообразно съ дѣтскимъ характеромъ развитія народа предметами раскольниковъ бесѣдъ и рѣчей было: наступленіе послѣднихъ временъ, близость кончины міра, пришествіе антихриста, второе пришествіе Христово, страшный судъ, которымъ сильнѣе всего греческіе миссіонеры подѣйствовали на азычника Владимира. Сообразно съ дѣтскимъ состояніемъ народа, литература раскольническая была толковательная, объяснительная, излагаясь въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, загадокъ и рѣшеній ихъ. Правда, предметы этихъ вопросовъ и загадокъ были иногда очень пусты, мелочны, но все-таки они выходили изъ любознательности, все же это не отрицаніе знанія, не сосредоточеніе въ мелочахъ практической жизни, не апатія, не застой умственный. Расколоучители чужеземнымъ пользовались не католическимъ, а лютеранскимъ. Вавила, ученикъ Капитона, былъ лютерскія вѣры (Вин. Р., л. 135).

Таковы были нѣкоторые расколоучители въ Сибири. Объ Аврааміи, Яковѣ, Аспихинѣ и друг. Игнатій, м. тобольскій говоритъ: «Суть проклятіи лютере: чтеніе священнаго писанія все злѣ и растлѣнныя толкуютъ, и якоже кальвини и лютере вся церковная преданія отмѣтаютъ, мнящеса сами собою, не іереи суще, крестятъ дѣтей, явственнѣ еретницы—кальвини и лютере суть». (1 посл., Пр. соб. 1855, 1 кн. стр. 27, III посл., стр. 61.) Во многихъ сектахъ раскола старообрядства играютъ большую роль идеи протестантизма, хотя иногда и превратно понятыя. Вообще говоря, протестантизмъ болѣе пришелся по духу русскаго народа, соединившись съ преданіемъ языческимъ объ отсутствіи жрецовъ въ р. языческой религіи и дружелюбно принятый въ древнѣйшія русскія ереси стригольниковъ, жидовствующихъ. Расколоучители заботились о распространеніи своихъ идей посредствомъ книгъ. Они снабжали книгами всѣхъ желающихъ. Скиты ихъ имѣли искусныхъ писцовъ. Они продавали книги на ярмаркахъ. Раскольниковскіе миссіонеры ходили съ котомками, наполненными книжками и тетрадками. «Не точію въ селѣхъ и во градѣхъ, говоритъ п. Іоакимъ, но и въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, чрезъ ихъ ложная и прелестная словеса и писанія простой и ихъ прелести не могущій познати многъ народъ прельщали яко словеса, тако и злоудкавыми лестными писаніи». «Раскольниковскія книги такъ сильно распространялись и такъ вредны были для народа, говоритъ г. Щаповъ, что въ 1724 году указомъ свят. Синода предписано было духовнымъ управителямъ объявлять раскольниковскія рукописныя книги». (321 стр., 1 примѣч.) Результатомъ всего этого была удивительная быстрота, съ которою распространялся расколъ. Едва ли кто нибудь станетъ отрицать послѣ того, что расколъ способствовалъ по крайней мѣрѣ распространенію грамотности въ русскомъ народѣ, не далъ заглухнуть въ немъ любви къ просвѣщенію.

Отвѣчая народнымъ потребностямъ, раскольниковская литература отразила въ себѣ жизнь массы, ея внутреннее развитіе, ея симпатіи и антипатіи. Мы уже упомянули о томъ, что въ раскольниковской литературѣ выразилась антипатія къ католицизму. Излишнимъ считаемъ говорить, что въ ней выразилась антипатія къ духовенству. Для русскаго, народа привыкшаго къ свободной жизни въ язычествѣ, воспитаннаго въ вольности во время усобицъ, въ потворствѣ князей и царей, отвыкшаго во время самозванцевъ нести государственныя повинности, возмущавшагося при указахъ, стѣснявшихъ его свободу, для такого народа тяжело было нести расходы постоянныхъ войнъ при Михаилѣ Феодоровичѣ, вступившемъ на престолъ, когда въ казнѣ не было денегъ. Естественно, что такому народу не могло нравиться

усиленіе монархической власти при Алексѣй Михайловичѣ, и особенно при Петрѣ. Не легко было время для народа послѣ подушной переписи, когда чиновники собирали деньги *сильно*, вмѣсто 38 по 54 копѣйки, и наживали себѣ отъ сбора по 2000 р. Не могло не быть тяжело для народа, когда каждый годъ для постройки Петербурга приходило до 40,000 человѣкъ, когда этотъ народъ долженъ былъ собираться изъ дальнихъ мѣстъ, когда для постройки Азова гнали народъ изъ противоположнаго конца Россіи и народъ этотъ часто не возвращался совсѣмъ домой; когда нужно было приводить въ исполненіе такія огромныя предпріятія, какъ прорытіе Ладожскаго канала. Это было время, когда, по словамъ Посошкова, безъ взятокъ ничего нельзя было сдѣлать въ судѣ, когда прикащики грабили крестьянъ, забирали у крестьянъ что имъ вздумается, а за жалобу сажали въ тюрьму и заставляли выкупаться (Дополн. къ Ак. III, № 65), когда губернаторы, тѣшась изъ пушекъ, губили при этомъ человѣкъ по 15ти (Доношен. м. Сильвестра свят. Снн., рук. к. А., III. 325 стр.), когда пашни господскихъ крестьянъ оставались незасѣянными отъ недостатка сѣмянъ, когда господа издѣвались надъ крестьянскими женами и дочерьми, выбивали у женки ребенка, топили крестьянъ въ водѣ, отдавали ихъ чиновнику вмѣсто взятки. Еще ужаснѣе было для народа время Бироновщины, когда ставили крестьянъ голыми ногами въ снѣгъ, били палками по пятамъ, пытали. Всего яснѣе видна тяжесть этого времени изъ того, что нѣкоторые предавали себя самоожженію отъ присылаемыхъ командъ, отъ ихъ грабительства и разоренія (П. С. З., т. XV, стр. 233). Подобно первенствующимъ христіянамъ, ожидавшимъ пришествія антихриста во время страшныхъ гоненій противъ нихъ, раскольники въ своей литературѣ оразили тяжесть государственной жизни въ образѣ антихриста. Въ своихъ сочиненіяхъ они приурочивали пришествіе антихриста къ 1666 году царствованія Алексѣя Михайловича. Вотъ какъ говорится въ раскольническихъ сочиненіяхъ противъ усиленія самодержавія Петромъ Великимъ, противъ тяжкой для народа по своимъ послѣдствіямъ переписи: «Мы, смятряюще недремательнымъ окомъ познаваемъ, яко отъ лѣта по числу 1666му конецъ пріиша пророчествія, а совершенное же всея злобы исполненіе исполнися на Петрѣ, егда исполнися число звѣря 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступи отъ св. православныя вѣры, а послѣ его въ третьихъ восцарствова на престолѣ всея Русіи сынъ его первородный Петръ, и нача превозноситься паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ, и нача величатися и славиться предъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ и распространяя свою новую вѣру, и церковь по всей Россіи въ 1700 году воз-

обнови; уничтожи патриаршество, дабы ему единому властвовать, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единого превысочайшею главою, судією всей церкви, пріялъ на себя титулу патриаршескую, и именовася отецъ отечества и глава церкви російскія и бысть самовластенъ, не имѣя никого себѣ въ равенствѣ, восхитивъ на себя не точію царскую, но и патриаршюю власть, и нача себя величати и славити, возвышася на всяка возобновленія. Въ 1700 году собра весь свой поганый синклитъ въ первый день генваря мѣсяца и постави храмъ идолу ветхоринскому, Янусу, и предъ всѣмъ народомъ нача творити чудеса, подъ видомъ фавказіи и вси воскликнуша ему единогласно: вивать, вивать новый годъ! отъ того дни разосла своя указы во всю Русію, повеле праздновати новое лѣто, разрушая законную св. отецъ клятву, иже на первомъ вселенскомъ соборѣ положенную праздновати новое лѣто въ первый день сентября мѣсяца, разрушая сію законную клятву, и при томъ своемъ янусовскомъ собраніи поздравленіе пріять за императора Августѣйшаго, сирѣчь надъ всѣми обладателя. Оде, благоразумная чада, вонмите здѣ, коему ежегодно празднуете новый годъ? Всѣ господни лѣта истреблени, а сатанины пзвѣщены, во истинну исполнися здѣсь тайнозрительное откровеніе и власть перваго звѣра всю творити предъ нимъ, и творяше землю и вся живущая на ней, да поклонатся ему. Удалятися и бѣгати подобаетъ намъ во антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, понеже въ откровеніи Іоанна Богослова, во главѣ 12, писано, яко церковь побѣжитъ въ пустыню, вѣрніи христіане, истинни раби христовы побѣжатъ въ горы и вертепы, и спасутся. Понеже Петръ нача гонити и лѣстити и искореняти останокъ въ Русіи православную вѣру, своя новыя умыслы уставляя, нова законоположенія полагаая, по духовному и по гражданскому расположенію состави многіе регламенты и разосла многія указы во всю Русію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, и устави Сенатъ, и самъ бысть надъ ними главою и судьею главѣйшимъ: тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвышатися, учини описаніе народное, и счисляя вся мужеска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, и облагая ихъ данми великими, не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини, съ мертвыхъ данн вытребови. Егдаже той императоръ или монархъ, сирѣчь единоначальникъ или единовластитель народное описаніе учини, называя то ревизією или исчисленіемъ душъ человѣческихъ, которыя пріяли его за императора и за единовластнаго правителя, мы отъ Христа Спаса научихомся законъ и заповѣди Его сохранять и вѣру святую блюсти, и такому

жехристу въ послушество отдатися не хотимъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ: творите съ нами что хотите: ибо есмь христіане единаго исповѣданія у 7 вселенскихъ соборовъ св. отецъ, и св. страдальцевъ соловецкой обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе: того исповѣданія и мы держимся и въ книги ваши законопреступныя гражданскія, въ силу указа вашего императора и его законоположеній ревизій, не пишемся: ибо мы отъ крещенія записаны есмь въ книги животныя у Царя Небеснаго; понеже видимъ во Святомъ Писаніи, яко прежде бывшіе въ Русіи благочестивіи цари Иванъ Васильевичъ, Ѳеодоръ Ивановичъ и Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексій Михайловичъ, бывший въ благочестіи до Никона патріарха, яко сии вси народнаго исчисленія отъ мала до велика мужеска пола и женска, живыхъ и мертвыхъ и всего общечеловѣчества не творили, и оставляли то въ судьбу правительства всемогущаго Бога. Зрите челоуѣцы и вонмите и рассмотрите по святому писанію, въ кихъ лѣтѣхъ жительствоуемъ и кто нынѣ обладаетъ вами: ибо духъ петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка, якоже свидѣтельствуемъ книга: кабинетъ Петра Великаго: ибо духъ государей русскихъ, есть духъ Петра великаго. Петръ Великій, восхищія на себя славу сына превысочайшаго, именовася Петръ Первый, и прочіи по немъ такожде именовуются, и наки именовася божествомъ Русіи, якоже свидѣтельствуемъ книга: кабинетъ Петра: онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія! Намъ же православнымъ христіанамъ подобаетъ всеусердно держатися отческаго наказанія. Подобаетъ намъ жизнь препровождати въ безмолвіи и въ пустыняхъ, яко Господь чрезъ Іеремию пророка взываетъ: изыдите, изыдите люди моя, изъ Вавилона». (Раск. ркп. «Челобити. или истор. Петр. Вел.», Сп. С. 6.) Кромѣ того въ раскольнической литературѣ появлялись демократическія подметныя письма противъ монархической власти и вѣперіи. (П. С. З. № 4678.) «Въ раскольническихъ стихахъ и сочиненіяхъ, говоритъ г. Шаповъ, не рѣдко встрѣчаются жалобы на неправоту судей, на притѣсненія, причиняемая народу, какъ на явные признаки господства антихристового» (526 стр.). Младенчески простой, не изыщенной, не привыкшей къ роскоши массъ русскаго народа не могла правиться неразумное заимствованіе вѣшностей отъ запада, когда щеголяли стрижкой волосъ, покроемъ платья, украшали дома обнаженными божествами классической древности, въ постъ готовы были «за курочку душу промѣнять», давали балы въ 500 р., тратили въ годъ на столъ по 14,000 р. занимались соблазнительными стишками. Раскольническая литература отразила народную

антипатію ко всему этому, облекая это опять таки въ образъ антихриста. «Седмоглавый змій, читаемъ въ одной раскольнической рукописи XVIII вѣка, наводитъ иностранные обычаи, дабы отлучить отъ Бога и отвести во дно адаво. Присмотрися, возлюбленне: вси бо христіане одѣются одѣяніемъ страннымъ и необычнымъ: мужи и жены и дѣвцы. Аще хожемъ благочестіе и вѣру содержати непоколебиму, вся иностранные обычаи, сирѣчь, взоры, глаголы, хожденіе, одѣяніе и прочая вся неподобная христіанамъ отринемъ. Зрите, православніи сущіи душелюбны, егда исполнитса осьмыя тысящи 290 лѣтъ. тогда будетъ въ людѣхъ великое невоздержаніе, и пльнятся обычаи невѣдніемъ разсужденія, и начнется въ христіанѣхъ иностранное любленіе, еже есть: глаголы, взоры, хожденіе, одѣяніе, о горе!» (Собр. раз. раск. ст., ркп. каз. ак.) Ясно отсюда, что раскольническая литература живо отражала въ себѣ антипатію народа, чего мы не найдемъ въ литературѣ духовенства.

Совершенно справедливо то, что духовная рукописная литература XVI и XVII вѣка заключала въ себѣ статьи, которыя или благопріятствовали развитію раскола или цѣликомъ впослѣдствіи вошли въ составъ его ученія. Но эта же самая апокрифическая литература, полная неясностей, была въ употребленіи у насъ еще въ XIII вѣкѣ и ранѣе ¹⁾. Какимъ же образомъ могло случиться то, что послѣ столькихъ вѣковъ — въ XVII вѣкѣ не только не почувствовалась несостоятельность такой литературы, но даже ощутилась большая въ ней потребность? Неужели въ продолженіи столькихъ вѣковъ не было никакого прогресса въ христіанскомъ просвѣщеніи Россіи? Прогрессъ можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что до XVII вѣка христіанской апокрифической литературой (иной удобной для чтенія мы мало насчитаемъ) пользовалось меньшинство, а въ XVII вѣкѣ большинство. Этимъ же объясняется и то, что пользовавшіеся апокрифическою литературою до раскола не составляли особенной секты. Понятно, что апокрифическою литературою народъ пользовался не потому, что въ ней было много лжи, а потому, что она соответствовала характеру его развитія. Любовь къ апокрифической литературѣ могла быть у людей стоявшихъ на степеніи дѣтскаго развитія въ христіанскомъ просвѣщеніи, которые не только не могли понимать теоріи, сухой морали, но у которыхъ при чтеніи простыхъ разсказовъ евангельскихъ поминутно являлись вопросы, для которыхъ простой исторической разсказъ безъ всякаго вымысла былъ не удовлетворителенъ. «Умъ русскаго сектанта простолюдина (говорить

1) Пыпина, Древн. Русск. литерат. Отеч. Зап. 1857 г. ноябрь.

г. Шаповъ) не жившій твердой точки опоры положительныхъ, точныхъ званій христіанства, во тмъ заблужденіи, не управляемый авторитетомъ церковной власти, между тмъ, хотя безотчетно, смутно сознававшій потребность истины, успокоивался на такихъ мысляхъ, какія самъ выдумывалъ въ слѣпотѣ заблужденія, принимая ихъ за настоящую истину». (278 стр.) Вообще говоря, апокрифическая литература носитъ на себѣ характеръ сказочный, который нельзя объяснить, принимая въ основу одно христіанское просвѣщеніе, который можетъ быть удовлетворительно объясненъ изъ языческаго развитія русскаго народа. Сказочный характеръ апокрифической литературы виденъ изъ перечисленія апокрифическихъ статей, сохранившагося въ сборникѣ Соловецкой бібліотеки XVII вѣка: «составленіи мистіи псалмы, градите вси вѣрніи, другіе градите кресту твоему въдруждешуся на земли, Адамъ, о Еносѣ что былъ на питомѣ небеси и исписалъ 300 книгъ, Ламеховы книги, патріарси, Синова молитва, Адамъ завѣтъ, Моисіевъ завѣтъ, Асенеовъ, Елдадъ, Молдадъ, Соломани псалмы, Шльнио обавленіе, Исанио видѣніе, Іаковля повѣсть, апостольстїи обходи, что приходили къ граду, обрѣтоша чловѣка орюща воли и просиша хлѣба, онъ же иде въ градъ хлѣба ради, апостоли же безъ него взоривше ниву и насыавше и пр.идѣ съ хлѣбы и обрѣте ишеницу зрѣлу; Вариавино посланіе, Петрово обавленіе, Павлово дѣяніе лжею складено, Павлово обавленіе, Евангеліе отъ Варнавы, Евангеліе отъ Фомы, Норахманехъ, Зосимохоженне, параллпожены что орла слали въ Вавилонъ съ грамотою къ Еремию пророку. Суть же и пна многа отъ лжесловесникъ сложена, еже есть сіе, Івана богослова въспросы еже на Елеонстїй горѣ, Аврама пріотца въспросы, того же Івана богослова въспросы къ Господу, еже рече къ нему Господь: слыши приведеный Иване Варѣоломѣви въспросы къ Богородицы, како роди Христа. Епистоля о недѣле, о дрѣве крестнемъ лжею списано, что Христа въ попы ставили, и что Христосъ плугомъ оралъ, еже Еремиа попъ болгарскій изолгалъ, былъ въ навѣхъ навѣрзилошкому; Петрово житіе въ пустыни 52 лѣта и хоженіе Петрово по вознесеніи Господни, что Христа отрочатемъ продавалъ и архистратиха Михаїла крести, и что рабы по суху ходили; Дѣтство Христово, Хоженіе Богородици по мукамъ; о Адамовѣ лѣѣ что семь церквъ въ немъ седѣло; Павлово хоженіе по мукамъ, имена ангеломъ, о службѣ танихъ Христовъ что опоздать служити обѣдию, врата небесная затворяются, и ангели попа кленуть; и еже съ Христомъ діаволе прѣнио, о пустыниці о Макаріе римѣстемъ, что три черньци нашли его, что двадцать попріиць отъ него рай; о Соломанѣ цари и о китоврасе притчѣ кощуну все лгано, не бывалъ китоврскъ на земли, но

слиннѣстїи ѡплосоѡв ввели; Авгарево посланїе на шею носятъ неразумнїи; о двоюнадесяти іаковлчлахъ, глаголемая лѣствица. Суть же и о мученицехъ словеса криво складена, а не тако, якоже истинна ихъ писана въ чтенпехъ и въ мнїѣхъ и въ пролозѣхъ,—Георгіево мученїе, рекше отъ Дадїана царя мучепъ, Никитино мученїе, нарицающе его сына Максимѣянова царева, иже бѣ самъ мучилъ, все же то лгано, вся же суть та прилогъ обличаетъ; и Евпатїево мученїе, что седьмыжди умре и оживе, Климента анкирьскаго мученїе, и нїѣхъ многїхъ; единою убо вси святїи спасени умроша, по многїхъ мукѣхъ, ли мечемъ посѣчени, ли копнемъ прободени, ли ножемъ заклани, ту конецъ прияша; многожъ и иная сложена чтенїя ложная, Давлдови пѣсни. Соѡноипно обавленїе; о Василїе кесарїйскомъ, и о Иване златоусте і о Григорїе богослове, въспроси и отвѣты о всемъ лгано; о всей твари чтенїе, куръ стоить въ морп, 300 ангель солнце воротятъ; о двоюнадесяти пятницахъ споръ Тарсѣя жидовина съ Елѡерїемъ; слово Меѡодїа епископа паторимскаго, отъ начатка и до кончины, въ немъ же писанъ Мунтъ сынъ Ноевъ, и три лѣта земли горѣти, что запечатани цари Александромъ царемъ Макидонскимъ; Гогъ и Магогъ, и Исакъ сонъ видѣ столпъ посреди двора, архангель Мпханлъ Аврама возносилъ на небо, и далъ ему видѣти что дѣютъ и судилъ имъ, но лгано суть: не бывало того; и кануновъ много лживыхъ, и молитвы составивая лживыя отъ трясавицы, Еремїя попа болгарскаго басни. глаголетъ бо окаянный, седящу святому отцу Сисѣнїю на горѣ синаїстѣй, и видѣ семь жонъ исходящи отъ моря и ангела Сиханла именуеть, и иная пзыдоша семь ангель, семь свѣщъ деръжаще, семь ножевъ остряци, карастар о (70) имянъ Богу все то еретици списали. Суть же между божественными писании ложная писанїя наѣдена отъ еретикъ, на пакость невѣждамъ, попомъ и дїякономъ лживыя соборники сельскыи, худыи манакануци по молитвенникомъ у неразсудныхъ поповъ; лживыя молитвы о трясавицахъ, о нежитехъ и о недузехъ, и грамоты трясавѣскыя пишуть на просвирахъ и на яблоцехъ болѣсти ради, все убо то невѣжди дѣютъ, и деръжать у себя отъ отецъ и прадѣдъ, и въ томъ безумнїи гинуть. А се есть мудрованїе тѣхъ, ими же себѣ отлучаютъ о Бога, и приводятъ къ бѣсовомъ въ пагубу и погибають: книга Мартолой рекше острелогъ, остроумїа землѣтрїя, чаровникъ въ нихъ же суть, 12, вся главизны стихи двоюнадесяти опромѣтныхъ лицъ звѣрїи и птичь, еже есть тѣло свое хранитъ мертво, и лѣтаеть орломъ и ястребомъ, и враномъ, и дятломъ. и совою, рыщутъ лютымъ звѣремъ, и вепремъ дикимъ, и волкомъ, лѣтаеть змїемъ, рысью и медвѣдемъ. есть громникъ, молни-

никъ, мѣсяць окружится, колядникъ, метанія, сонникъ, волховникъ, волхвующе птицами, и звѣрми, еже есть се, стѣнотрѣскъ, ухозвонъ, вранографъ, курокликъ, окомигъ, огонь-бучить, песь-выеть, мышепскъ, мышъ порты-изгрызеть, жаба вокоче, кошка вокоче, мышца подражатъ, сомъ страшень, слѣпца-страцеть, изгорить нѣчто, огонь пищить, искра изъ огня, кошка мявкаеть, падеть человекъ, свѣща угаснетъ, конь ржетъ, валъ на валъ, птичникъ различныхъ птицъ, пчела, рыбы, трава шумить, дѣрво, съ дѣрвку листь шумить, сорока пощекочеть, дятель жона, волкъ выеть, гость придетъ, стѣношелкъ, полатинчикъ, волхвованія разношличная, путникъ книгъ и въ нихъ же есть писано о стрѣчахъ и коби всяческая еретическая о часѣхъ о злыхъ и о добрыхъ, еже есть Богомъ отречено, днешъ о лунныхъ, что въ первый день луны небеснаго мѣсяца Адамъ созданъ бысть еретики написано, а не въ первый день луны сотвори Господь Богъ Адама, понеже сотвори Богъ солнце и мѣсяць и звѣзды небесныя, Адама сотвори Богъ въ пятый день; како хоцещи навѣгласе въ единъ день рождение адамле съ луною исповѣдати почто неразумне вѣруеша еретическимъ лжамъ, а оставя Божіе писаніе, на лжу убо писаше всю, дній луны. Такожъ и прочая коби, еже суть книги еретическая, звѣздочтець, звѣздъ, и другій звѣздочтець, ему же имя стоднець, въ нихъ же безумніи людие вѣрующе волхвуютъ, ищуще дній рожденій своихъ, саномъ получения, урока-житія, и бѣдныхъ напастей, и различныхъ смертей, и казней, и въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслахъ, ищуть своимъ безумнемъ, а оставя Божію помощь, и призывать ѡсовъ на помощь, а невѣдуше Божіихъ судьбъ». (Сбор. Солов. библ. № 913.) Изъ этого перечисленія апокрифическихъ сочиненій ясно видно, что въ этой литературѣ участвовало младенческое воображеніе. Желаніе въ исторіи имѣть сказку возможно только для младенческаго воображенія, развитаго на счетъ другихъ способностей. Но кромѣ сказочности апокрифическая литература не лишена и дѣйствительной поэзіи. Эта потребность поэзіи въ христіанской литературѣ не могла зародиться въ русскомъ народѣ отъ русскихъ древнехристіанскихъ учителей, которые не питали и не развивали поэтическаго чувства въ народѣ, въ сочиненіяхъ которыхъ ничего не было поэтическаго. Для примѣра поэтическихъ образовъ въ апокрифической литературѣ мы выпишемъ толковыя притчи, помѣщенныя въ сочиненіи г. Шапова: «Стоитъ гора на дву холмѣхъ, среди горы кладезь глубока, на верху горы лежатъ два камня самоцвѣтные, а надъ ними два лютые льва. Толкъ: гора—человекъ на двухъ ногахъ стоитъ, а каменіе очи ясныя, а львы лютые—брови черныя, а кладезь—гортань и чрево». «В. Стоитъ древо злато, а

на немъ лиственіе золотое, подъ тѣмъ древомъ стоитъ лохана; прилетаетъ голубь, лиственіе шиплетъ, да мечетъ въ лоханю: лохана не полна и лиственіе не убываетъ. То древо злато—небо, а лиственіе—люди, а голубь—смерть, а лохана—земля». «Стоитъ градъ, а въ градъ гора стоитъ на четырехъ холмѣхъ, а верху горы поле чистое, а на полѣ цвѣты прекрасныя, а около ихъ пчелы ярныя. Толкъ: Градъ—изба, а гора—столъ, а поле—скатерть, а цвѣты—яди различныя, а пчелы люди». Или: «въ тепломъ царствѣ стоитъ пещера каменная, а въ пещерѣ лютый змій лежитъ, а какъ бываетъ въ царствѣ томъ стужа, змій сокручинится и начнетъ у него изъ рта пламень огненный исходити и изъ ушей кудрявъ дымъ метатися, а изъ очей искры сыплются. Толкъ: теплое царство изба, а пещера каменная печь кирпичная, а змій дрова горять пзутра до вечера». «Вопросъ: сѣяти два, десять жателсей, угобзися нива и сотвори три коблы. Толкъ: четыре Евангелиста, двенадцать апостоловъ, три коблы тропца Отець, Сынъ и Св. Духъ. Или еще: рабъ понищитъ, зоветъ дѣти, ихже не родилъ. Толкъ: во второе христово пришествіе вострубятъ ангели и возставутъ мертвіи отъ гробовъ». (Сбор. Сол. библ. № 923.) Мы не можемъ отказать этимъ притчамъ въ поэтической картинности, хотя выборъ сравненій въ нихъ ограниченъ слишкомъ ребячески, слишкомъ необширнымъ знаніемъ предметовъ, хотя сравненія эти иногда очень странны. Кромѣ того въ апокрифической литературѣ былъ такой матеріалъ, въ которомъ живы были вѣрованія чисто языческой религіи. Между апокрифическими сочиненіями упоминается *колядникъ*, самымъ своимъ названіемъ ясно указывающій на содержаніе, заимствованное изъ языческой религіи; о *китоврасе притчи*, съ именемъ котораго соединяется языческое представленіе объ обращеніи людей въ животныхъ, *чаровникъ въ нихъ же суть 12, вся главизны стихи двоионадесати опромѣтныхъ лицъ звѣринъ и птицъ иже суть тѣло свое хранятъ мертво и летаетъ орломъ и астребомъ и вракомъ и дятломъ и совою, рышутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ и волкомъ* (какъ говорится о Всеславѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ), *летаетъ змиемъ, рысію и медведьмъ*. Какъ праздникъ въ честь Козелы былъ еще въ силѣ у людей, современныхъ расколу, такъ и вѣра въ превращеніе людей. Въ 50 прим. XII гл. 1 кн. своего свода лѣтописей, Татищевъ, по поводу Геродотовыхъ извѣстій о превращеніяхъ Невровъ, замѣчаетъ: «У насъ многіе и не весьма глупые, но отъ неученія суевѣрствомъ обладанные, сему твердо вѣрятъ. Я не весьма давно отъ одного знаменитаго, но неразумнаго дворянина слышалъ, якобы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣда превращался, что слышашіе довольно вѣрили... Одна баба тоже о себѣ

сказала, что въ сороку и дымъ превращалась и оная съ пытки въ томъ винилась». Въ апокрифической литературѣ упоминается также сочиненіе: «*Еремия пона болгарскую баски, млаолетъ бо окалнннй: съдѣшу святому отцу Сисънню на горе Синайствѣ и видѣ семь жонъ исходящи отъ моря*». Ясно, что въ этомъ сочиненіи сохранилась языческая вѣра въ морскихъ дѣвъ, русалокъ. Соответственно степени народнаго развитія, требованію котораго удовлетворяла апокрифическая литература, она наполнена матеріаломъ двоевѣрнымъ, переходнымъ отъ язычества къ христіанству. Такъ въ ней упоминается о Перунѣ, какъ объ ангелѣ грома (Рук. сол. б., № 925), говорится о томъ, что «*Давидъ ся женитъ, Адамъ въ сватѣхъ*» (ibid.), точно также какъ въ сербской поэзіи въ пѣснѣ о женитьбѣ мѣсяца, новозавѣтные святые представляются играющими роль при свадебномъ обрядѣ. Въ самой жизни старообрядцевъ замѣчается поэтический элементъ, соответствующій младенчеству христіанству. Старообрядцы старались сохранить древнехристіанскій аскетизмъ, въ которомъ было много пустынно-поэтического, который былъ такимъ сильнымъ средствомъ для введенія христіанства въ Россіи и который въ это время совершенно палъ, потому что въ монастыряхъ только и занимались, что вареньемъ пива и куреньемъ вина (А. Арх. Эк. т. IV, № 328), ѣли мясо (ibid. III, № 285), принимали къ себѣ свободно женщинъ (ibid. IV, № 116) и выходили на разбой (ibid., № 202). Воображеніе раскольниковъ представляло себѣ иные монастыри. Ихъ воображеніе, настроенное чтеніемъ разсказовъ патерика Синайскаго о поэтической жизни аскетовъ, подталкивало ихъ самихъ къ такой жизни. И мы дѣйствительно находимъ у нихъ, хотя и наружное, подражаніе тому. Игнатій, митрополитъ тобольскій, разсказываетъ слѣдующій случай: «*Въ пути нѣкоемъ отъ града, именуемаго Вологды, къ Каргополю, къ морю, акибы учитель нѣкій, врагъ божій, волхвъ и чародѣй, примысли себѣ пустытника имя. И нѣции поселяне, изъ домовъ своихъ изшедше, послѣдоваша ему, яко мняху въ добродѣтеляхъ изрядному... Нѣкій же человекъ отъ града Вологды, отягченъ сый многими грѣхи и вшедъ въ совѣсть свою каншеса предъ Богомъ и положи обѣтъ Господеву Богу, во еже пожити въ чистотѣ и ити въ пустыннымъ мѣста, яко да, въ безмолвіи поживъ, получить отъ Бога прощеніе грѣховъ. Слышавъ же о оной пустыни, како у того пустытника людіе собравшеса живутъ, восхотѣ тамо поити. Пришедшу же ему ко оному, иже мняшеса пустытникъ быти, молить его да повелитъ ему при себѣ жити въ пустыни, якоже и прочимъ. Онъ*

¹⁾ Сербскія пѣсни 1. т. Вилины пѣсни.

же глагола ему: брате любимый, добръ пришелъ еси бѣгая въ пустыню: нынѣ бо убо на земли нѣсть церкви Божія, вси бо уклоншася и непотребни быша: понеже бо въ церквахъ поють и чтуть по новому, а у насъ еще здѣсь милость Божія покрываетъ, новости никакой не пріемлемъ и крестимся по преданію блаж. Феодорита: ты же добръ сотворилъ еси, избѣжавъ отъ антихриста. Той же умиленный чловѣкъ, слышавъ сіе, рече ему: азъ, честный отче, молю тя, да наставиши мя на путь спасенія: и сего ради слышахъ житіе твое по Бозѣ, придохъ къ святини твоей по Бозѣ, во еже спастися. Отвѣщавъ же той пустыльникъ: чадо, рече, доброе, подобаетъ тебѣ прежде постомъ искутитися, да не яси, ниже піеши дни цѣкїа, доиде же намъ извѣстити о тебѣ Господь Богъ и тогда тя пріимемъ съ радостію. Онъ же общася вся повелѣнная имъ безъ сумнѣнія творити, своего ради душевнаго спасенія. Пустыльникъ же повелѣ его ввести во внутреннюю едину отъ келій своихъ храмину, еже бѣше присовокуплена къ келїи его, идеже самъ живяше и скверная своя мольбища творяше» (3-е посл., Прав. собесѣдн. стр. 116—118). Этотъ разсказъ живо напоминаетъ намъ разсказы патерика Синайскаго, гдѣ точно также раскаявшіеся грѣшники обращаются къ старцамъ пустынножителемъ за совѣтами, какъ загладить свои грѣхи. Этотъ разсказъ тѣмъ болѣе сходенъ съ разсказами патерика Синайскаго, что какъ тутъ, такъ и тамъ видно сектанство. Патерикъ Синайскій разсказываетъ о пустыникахъ, изъ которыхъ одни принадлежали къ православной церкви, другіе держались арїанства, о томъ, какъ одни хулятъ другіхъ, превозносятъ своихъ. Самый образъ обращенія, тонъ грѣшника и старца имѣютъ своими типами новѣтствованія патерика Синайскаго. Эту то любовь къ пустынности, къ которой Русскіе, крившіеся постоянно въ лѣсахъ, привыкли еще въ язычествѣ, раскольники старались ввести у себя. Постоянное передвиженіе съ одного мѣста на другое, приливы изъ одного мѣста въ другое, это кочеванье составляетъ характеристическую черту нашей древнѣйшей исторїи. Извѣстно, что въ жизни бродячей много поэзіи — постоянная встрѣча новыхъ лицъ, предметовъ, много неожиданныхъ впечатлѣній, а тѣмъ болѣе въ жизни странствующаго проповѣдника; а у старообрядцевъ образовалась секта странниковъ, которые въ бродяжничествѣ полагали христіанскій спасительный подвигъ (255 стр.).

Въ расколѣ старообрядства яснымъ образомъ сказалась потребность русскаго народа относительно искусства. Русскій народъ не чуждъ былъ этой потребности еще во времена языческія. Правда, потребности эти были слишкомъ дѣтскія; правда, они ограничивались только лепетомъ религіознаго искусства, но все же онѣ были, онѣ

требовали себя удовлетвореніи. И на этотъ разъ онѣ не далеко ушли отъ языческихъ потребностей и въ это время онѣ были религіозныя, явные, очень мало развились, сравнительно съ требованіями въ язычествѣ. Русскій народъ еще въ язычествѣ привыкъ къ великолѣпію своихъ божествъ, статуи которыхъ онѣ украшалъ драгоценными металлами. А русскіе храмы казались раскольникамъ не храмами, а конскими стоялищами. (Благод. слов. п. Іоакима.) Недостатокъ великолѣпія въ русскихъ храмахъ XVII вѣка и потребность въ немъ понималъ и Пиконтъ, который вводилъ великолѣпіе въ священныхъ одьяніяхъ и утваряхъ. (Шушеринъ, Рук. Сол. биб. № 235.) Даже въ XVIII вѣкѣ Димитрій Ростовскій находилъ въ церквахъ сосудъ съ дарами «зѣло гнусный, а тайны божественны въ небреженіи». (Др. р. вивлюв. ч. XVI, стр. 86, 87). А между тѣмъ потребность церковнаго великолѣпія въ народѣ была очень сильна, такъ что когда на Вѣткѣ была построена новая церковь Покровская и великолѣпно украшена по старинному: то «на толику убо славу новоосвященныя церкви, пишетъ Иванъ Алексѣевъ въ исторіи о Вѣткѣ, вси народи со всѣхъ странъ радости исполнися, на нюже отовсюду приходяще людіе, оставяху дома и въ толикой путь труды прїимаху. Господіе честныя о здніяхъ вознерадиша, и госпожи честній течаху на оное жительство; дѣвы отхождаху родителей своихъ... Откуда безчисленными народы наполнися вѣтковское жительство и аки градъ великъ въ населеніяхъ тѣхъ явися». (Пол. Истор. изв. о раск. ч. III, стр. 8.) Изъ этого примѣра ясно открывается потребность великолѣпія у людей того времени. Неудовлетворенные въ этой потребности раскольники заботились о ней въ своихъ часовняхъ и молебныхъ. Входящему въ ихъ часовню открывался богатый иконостасъ, украшенный старинными, часто *драгоценными* иконами, десятки горящихъ лампадъ и сотни возженныхъ свѣчъ сіяли, по выраженію раскольниковъ, «какъ лице Божіе». (272 стр.) Конечно, требованіе отъ искусства блеска металла и блеска свѣчъ (еще до сихъ поръ такъ сильно сохраненныя въ русскомъ народѣ), вмѣсто изящества, требованіе очень дѣтское. Это требованіе не болѣе, какъ первыя проявленія требованій искусства. Но одно уже отращеніе отъ безобразія, неряшества, стремленіе къ чистотѣ, благообразію показываетъ потребность искусства. Русскіе люди въ язычествѣ не чужды были изображеній своихъ боговъ въ статуяхъ. Между своими богами они имѣли чернубоговъ. Какъ дѣти они разставлялись съ разрушеніемъ статуй своихъ боговъ, какъ будто вмѣстѣ съ статуями гнбло все ихъ старое. Только что промѣнявши статуи своихъ языческихъ божествъ, только что освоившись съ темными христіанскими изображеніями живописи визан-

тійской, изображеніями, которыя по своей мрачности и таинственности, можетъ быть, пришлось по ихъ фантазіи, не могли они тотчасъ же снова мнѣять ихъ на ясныя свѣтлыя изображенія. Такъ пишетъ Игнатій, митрополитъ тобольскій, о Капитонѣ: «Видѣвъ же диаволъ готова его суща ко пріятію козней его, вложи ему помысль, яко не подобаетъ новописаннымъ иконамъ поклоняться: аще бы Спаса Христа или Пресвятыя Богородицы, или святыхъ; но точью какого ветхаго письма и стараго и зачадѣлаго аки бы издревле писаны: и егда въ домъ гдѣ вхождаше, аще видяше икону новописану и сіяющую новописаніемъ, тогда никакоже не поклоняшеся той святой иконѣ». (3-е посл. Пр. соб. 1855. 2 кн.) Привыкнувши къ статуетному изображенію своихъ божествъ, въ которомъ раздѣльно представлялась каждая часть тѣла статуи и не находя этого въ мало искусной живописи, русскіе раскольники непременно требовали подписанія обозначающаго что изображено. Тотъ же Капитонъ «егда бы видѣлъ Пресвятую Богородицу на иконѣ написанную, аще и подписание имѣющую Мати Божія: рудѣ же младенца превѣчнаго Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа не написана: тогда и той иконѣ не поклоняшеся» (ibid.). Въ изображеніяхъ церковныхъ господствовало символизмъ, соответствующій младенчеству состоянію христіанства. Въ символической живописи въ соответствии апокрифической литературѣ участвовала свобода фантазіи, такъ что Іоанна изображали со львомъ, а Марка съ орломъ, что исправилъ Никонъ. Раскольники же, наполняя скиты свои образами, имѣли школы иконописцевъ для приготовленія иконъ въ раскольническомъ духѣ и снабжали ими всѣхъ кого бы то ни было (288). По словамъ митрополита Евгенія живописцы ихъ были искусны (*Словарь* объ Андрѣ Денисовѣ). «Для большаго распространенія раскола раскольники всѣхъ сектъ привозили иногда на ярмарки предметы, относящіеся къ расколу, какъ наприм. старыя книги, зубочныя картины и т. д., и тутъ продавали» (289). Въ обрадахъ своей старины русскій народъ очень любитъ драматическія сцены, которыя представляются въ играхъ и которыя особенно сохранились до сихъ поръ въ свадебныхъ обрядахъ, въ которыхъ разыгрываются цѣлыя напередъ заученныя сцены. И посламъ Владиміра понравился драматизмъ христіанскаго богослуженія въ Византіи. Раскольнической любви потолковать о предметахъ религіозныхъ, драматической формѣ апокрифической ихъ литературы, соответствовала любовь ихъ къ тому же въ богослуженіи. А между тѣмъ духовенство не удовлетворяло этой ихъ потребности. Во многихъ погостахъ новгородскихъ «церкви стояли безъ пѣнія пусты», или «дворы поповы были пусты». Въ означенномъ сочиненіи

представляется множество примѣровъ того, что въ разныхъ мѣстахъ Россіи не было богослуженія «скудости ради іереевъ», «за умаленіе іереевъ» (382, 383). Иногда по лѣности священники не хотѣли служить даже въ праздники. Такъ въ 1659 году «видимо учинилось святѣйшему п. Іосифу, во владимірскомъ уѣздѣ, въ ярополческой волости у церквей поповъ по осьми и по шести и по четыре и по три и по два и что тѣ попы на свѣтлой недѣли служатъ въ одно свѣтлое воскресенье, а въ понедѣльникъ свѣтлая недѣли и во всю недѣлю и во всѣ владычныя праздники и въ богородичныя праздники службы не бываетъ». (А. А. Э. IV, № 326.) А иногда если и совершалось богослуженіе, то лица занимали не свои роли. «Священники лѣнились служить, и вмѣсто нихъ дьяконы, дьячки или пономари, подобно безпоповцамъ, совершали такія службы, которыхъ, по церковному уставу, никто, кромѣ священника, не долженъ совершать или читали въ послѣдованіяхъ такія молитвы, которыя также непремѣнно самъ священникъ долженъ былъ читать и по лѣности не читалъ». (Дополн. къ акт. истор. V, стр. 469.) Была также небрежность въ дѣйствіи, такъ что, какъ видно изъ постановленій собора 1651 г., дьячки стояли лицомъ не къ царскимъ дверямъ, а назадъ или на сторону или какъ пѣвцы пѣли, псаломщики читали, дьяконы говорили эктеньи, а священники возгласы не выслушивая и не дожидаясь другъ друга, вси въ одинъ голосъ», о чемъ говоритъ и духовный регламентъ. Такимъ образомъ не было раздѣльности въ совершеніи богослуженія и любимая сторона его теряла свое значеніе. Иногда же совершали послѣднюю часть богослуженія безъ первой: объдни служили безъ часовъ. (Акт. археогр. экспед. т. III, № 264.) Самое богослуженіе нарушалось безпорядкомъ. «А пономари по церквамъ молодые безъ женъ, да такожде по церквамъ поповы, купно же и мирскихъ людей дѣти, во время святыхъ службы въ алтарь безчинствуютъ; и во время же святаго пѣнія ходятъ по церквамъ шпыни съ безстрашіемъ, человекъ по десятку и больше, и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ и въ церквахъ овогда бранятся, овогда и дерутся; а инии полагающе пеленю на блюдахъ и свѣчи и собирають, рекущу на созиданіе церквамъ; а инии же творятся малоумни, а потомъ ихъ видятъ цѣлоумныхъ; а инии ходятъ въ образѣ пустынноическомъ и въ одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ власы; а инии во время святаго пѣнія въ церквахъ ползають, пискъ творяще, великъ соблазнъ подагаютъ въ простыхъ человекѣхъ». (А. А. Э. т. III, № 264.) Или еще рассказывается, что «нѣкоторые протопопы и попы начинали вечерни и заутрени безъ ризъ, а по церквамъ во время божественнаго пѣнія въ вечерню, въ заутреню и ли-

тургію ходили иноки и прокураты съ образами и съ блюдами и съ пеленами и всякихъ чиновъ люди милостыни просили и отъ ихъ крику и писку православнымъ христіанамъ божественнаго пѣнія и чтенія не слышно было, да тѣмъ въ церкви Божіи приходили аки разбойники съ палками, а подъ тѣми палками были у нихъ копѣйца железныя и бывала у нихъ межъ себя драка до крови и лая смрадная». (А. А. Э. т. IV. № 321.) И такимъ образомъ самые совершители богослуженія являлись безъ ризъ; оставляя свою роль, сѣялись, и наконецъ самое служеніе нарушалось беспорядками и криками. Раскольники же учредили у себя ничѣмъ не нарушаемый порядокъ. «Въ ихъ скитахъ были иноки чинно одѣтые въ древне монашеское одѣяніе, съ степенно суровымъ видомъ, низко кланяющіеся, впереди иноки, старики покрытые сѣдинами, не рѣдко уважаемые ими схимники... въ алтарѣ іерей или наставникъ дѣйствовалъ смиренно, стройно, степенно... сотни иноковъ по правую и по лѣвую сторону стояли степенно, на вытяжку, всѣ съ четками въ рукахъ, драхлые старцы впереди ихъ съ костылями, всѣ въ бородахъ; никто во время службы съ мѣста на мѣсто не переходилъ, по сторонамъ и назадъ не оглядывался, другъ съ другомъ не разговаривалъ и тѣмъ болѣе не смѣялся. взоръ всѣхъ обращенъ былъ наиболѣе къ землѣ. Служба совершалась по Іосифовскому уставу безъ малѣйшаго опущенія. Все общество молящихся крестилось, одинъ въ одинъ и въ одно время тихимъ, полнымъ и несипѣющимъ двупрестынымъ крестнымъ знаменіемъ, съ усиленнымъ удареніемъ на челѣ, на раменахъ, и на чреслахъ, съ возведеніемъ очей горѣ, поклоны или метанія тоже клали одинъ въ одинъ, и въ одно время, стройно, чинно, правильно. Богослуженіе продолжалось 4 и 5 часовъ сряду» (272 и 273). А между тѣмъ въ православныхъ храмахъ являлись священнодѣйствовать нѣяные! (А. П. т. V, № 73.) Какъ видимъ, драматизмъ этотъ былъ религиозный, однообразный, болѣе мрачный, но все же была любовь къ нему. —

Русскій народъ, какъ и всѣ славянскіе, издавна отличался пѣвучестью. Покидая свои языческіи религиозныя пѣсни, русскій народъ не могъ не требовать замѣны имъ отъ новой религіи. Не разъ уже было говорено, что напѣвъ русскихъ народныхъ пѣсней отличается грустнымъ, меланхолическимъ характеромъ. Не могъ не требовать себя удовлетворенія въ этомъ отношеніи русскій народъ. Въ раскольникахъ, болѣе чѣмъ въ другихъ людяхъ, сохранилась эта потребность. Но въ русской церкви мало можно было найти удовлетворенія такому требованію. Часто церкви стояли пусты, какъ описывается, безъ пѣнія, иногда стояли

безъ пѣнія по десяти лѣтъ. (А. И. т. IV, № 37.) Какъ мы видѣли, иногда негдѣ было пѣть, иногда не кому. А если и пѣли, то по скору (Акт. А. Э. III, № 264), тогда какъ русскій народъ въ народномъ своемъ пѣніи любилъ медленные, продолжительные напѣвы. Церковное пѣніе было нестройное не въ голосъ, врознь. Въ 1601 году новгородскій митрополитъ Макарій писалъ тахвинскаго монастыря архимандриту Юсѣфу, что «поютъ и говорятъ не единогласно; православные христіане, въ церковь пришелъ, во время святаго пѣнія въ церквахъ стоятъ не смирно, межъ собою говорятъ и смѣются». (А. И., т. IV, № 151.) И въ соборномъ уложеніи 1651 года, что «на Москвѣ и въ городѣхъ и уѣздѣхъ, въ соборныхъ церквахъ и монастыряхъ и въ приходскихъ церквахъ, ввелось отъ небреженія многогласное пѣніе, поютъ и говорятъ голоса въ два, и три, и въ четыре». (А. А. Э., т. IV, № 327.) Понималъ этотъ недостатокъ Никонъ. Но мы воспользуемся выпискою объ этомъ изъ книги г. Шапова: «такъ онъ (Никонъ) не могъ равнодушно видѣть, въ какомъ упадкѣ находилось въ церкви русской богослужбное пѣніе, которое начало упадать въ Россіи со времени монгольскаго ига. Привыкши къ знаменному или столповому церковному напѣву и исполняя его весьма неисправно и небрежно, церковно-служители наши до патріарха Никона почти совершенно забыли и оставили то древнее ангело-подобное пѣніе, изрядное осмогласіе и трисоставное сладкогласованіе и самое красивое демественное пѣніе, какое, послѣ болгарскаго и простаго демественнаго напѣва, вновь ввелъ въ церковь русскую Ярославъ Великій, и совершали пѣніе Божіе зѣло по скору. Патріархъ Никонъ, зная изъ прижѣровъ церковной исторіи, что развивалось же въ восточной церкви богослужбное пѣніе, что святые отцы съ IV по VIII вѣкъ не считали грѣхомъ слагать новыя духовныя пѣсни, исправлять древнее пѣніе, — началъ смѣло вводить въ русской церкви новое благогласное пѣснопѣніе, исправляя и восстанавливая, что было лучшаго изъ древняго пѣнія. Еще будучи митрополитомъ новгородскимъ, онъ, по словамъ жизнеописателя его, «первѣе повелѣ въ соборной церкви греческое и кievское пѣніе пѣти... и превеліе имъ прилежаніе до пѣнія, и на славу прибавѣ крилосы предивныи пѣвчими и гласы прензбръянными, пѣніе одушевленное, паче органа бездушнаго и такого пѣнія, якоже у него, ни у кого не бывало» (житіе Ник., Шуш., ркп. сол. библ. № 235. л. 11). Но съ одной стороны онъ, какъ единственный человѣкъ, не могъ много сдѣлать при отсутствіи эстетическихъ потребностей въ духовенствѣ, съ другой стороны онъ, любившій разные напѣвы (въ его житіи), посылая учиться партесному пѣнію (Ундол. въ № 3. Чтен. общ. ист.

1846) не могъ отвѣчать потребности пѣнія съ характеромъ національнымъ. Такого именно пѣнія хотѣли раскольники. Въ ихъ скитахъ «на правомъ и на лѣвомъ клиросахъ по десятку, по два и болѣе многогласныхъ пѣвцовъ чинно, тихо болшею частію *протяжно заунывно* пѣя церковныя пѣсни по старинному столповому напѣву» (Шап. 272). Любовь раскольниковъ къ пѣнію простиралась до того, что они старались даже служебное чтеніе приспособлять къ пѣнію. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ г. Шаповъ: «Часовенная или монастырская служба раскольниковъ невольно завлекала, плѣняла простое вѣрующее сердце русскихъ простолюдиновъ своимъ внѣшнимъ обрядовымъ благолѣпьемъ, сладостью тихаго, стариннаго столповаго пѣнія, иногда заунывнаго, проникнутаго чувствомъ покаянной грусти, и пріятностью внятнаго, раздѣльнаго, нѣсколько даже на распѣвъ совершаемаго чтенія» (стр. 380). Здѣсь мы снова видимъ неспособность понимать болѣе искусственное, болѣе художественное пѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ потребность пѣнія, жажду упиваться имъ, хотя это жажда къ пѣнію колыбельному: и до сихъ поръ въ деревенской церкви, особенно подальше отъ большаго города вы услышите напѣвъ, напоминающій мотивы народной пѣсни, особенно гдѣ принимаютъ участіе въ пѣніи сами крестьяне.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ оговориться, что мы имѣли въ виду нашу статью только познакомить читателей съ книгою г. Шапова и намекнуть на одинъ изъ существенныхъ ея недостатковъ.

Иванъ Некрасовъ.
